

УДК 339.732+327+94(571.54)

КУРАС Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; kuraslv@yandex.ru)

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; kalminal@gmail.com)

РУССКО-КИТАЙСКИЙ БАНК В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И КЯХТИНСКОЕ КУПЕЧЕСТВО (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности системы международных отношений в Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв., связанные с экономической экспансией России в Китай, деятельность Русско-Китайского банка как финансового посредника России в Китае и роль кяхтинского купечества – важного действующего лица в торговых операциях между двумя странами. Одновременно с этим острейшее внимание на разногласиях, существующих в современной историографии, в оценке деятельности Русско-Китайского банка.

Ключевые слова: международные отношения в Восточной Азии, система Витте, Русско-Китайский банк, кяхтинское купечество

В связи с широкомасштабными планами экономического развития КНР в рамках реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути и укрепления межгосударственных связей между Россией и Китаем несомненный интерес представляет история русского предпринимательства в Китае в XIX – начале XX в. [Беляев 2006] и кяхтинское купечество как посредник в торгово-экономических отношениях между двумя странами. В рамках предпринимательской деятельности Российской империи предметом исследовательского интереса становится деятельность Русско-Китайского банка на рубеже XIX–XX вв., выполнявшего функции финансового посредника России в Азии [Яго 2012], а также бывшего действенным инструментом возрождения кяхтинской чайной торговли [Субботин 1892]. При этом отношение к деятельности этого банка в современной российской и зарубежной историографии неоднозначное – от восхищения [Яго 2012; Crisp 1974] до подозрения в разбазаривании валютных активов [Кальмина, Курас 2017] и инсайдерском кредитовании [Саломатина, Тужилина 2016].

Обратимся к истории международных отношений в Восточной Азии и роли Русско-Китайского банка в развитии русского предпринимательства в Китае через посредничество кяхтинского купечества на рубеже XIX–XX вв.

Этот период связан с началом широкомасштабной экономической экспансии Российской империи в Китай, что стало фундаментом внешней политики министра финансов России С.Ю. Витте (сегментом системы Витте). Если ранее политика экспансии проводилась преимущественно военными методами, то к концу XIX в. стали превалировать методы экономические. Но, хотя Россия взяла на вооружение опыт экономической экспансии Англии, ее методы все-таки имели ряд особенностей. С.Г. Беляев подчеркивает: «В качестве главного предпринимателя... выступало государство, которое, действуя как банкир,

торговец и комиссионер, добивалось достижения “государственных” целей» [Беляев 2006: 170]. Проникновение в экономическую систему другой страны могло осуществляться двумя путями: а) через предоставление займов; б) формирование особых финансовых институтов для получения преимуществ в торговых операциях. Если основным инструментом английской экспансии были частные акционерные общества, имевшие преференции от государства, то Россия проводила свою политику за счет казенных средств, что соответствовало идеологии С.Ю. Витте. При этом министр финансов обращался к западноевропейским финансовым рынкам, предполагая покрыть бюджетные расходы за счет прибыли от «восточной» торговли [Власть и реформы...1996: 414]. В этих условиях в 1895 г. создается Русско-Китайский банк, где в числе учредителей выступили не только Министерство финансов Российской империи, но и французский капитал, составлявший 5/8 уставного капитала банка. При этом руководство банком и определение его стратегии оставалось за Россией [Лукоянов 2000]. Именно поэтому высокую оценку деятельности банка дал Казухико Яго: «В августе 1896 г. китайское правительство внесло в банк 5 млн. купинских таэлей [около 83 млн фунтов стерлингов] в качестве части капитала на строительство КВЖД, что следовало из Русско-Китайского договора. Эта сумма пересчитывалась каждый год по курсу на первое января и показывалась в балансе. Китайское правительство не имело возможности влиять на управление банком, хотя этот огромный взнос был единственным капиталом, который Цинская династия вложила в иностранную компанию за более чем 300-летний период своего правления. КВЖД была завершена в 1903 г., но банк не выплатил эти 5 млн. купинских таэлей правительству Китая, как было указано в договоре». «В 1898 г. в связи с увеличением капитала банка до 9 млн. руб., — подчеркивает Казухико Яго, — государственный банк принял в свой портфель все 12 000 новых акций и, таким образом, стал мажоритарным акционером. С тех пор представители России занимали ведущие позиции в управлении банком. В 1902 г., когда капитал был увеличен до 15 млн. руб., российское правительство снова оставило за собой весь выпуск акций» [Яго 2012: 296, 297].

Рост русской экспансии в Китай начался со строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) как продолжения Сибирской железной дороги, ставшей базовым компонентом для развития устойчивых торговых отношений, но одновременно создавшей предпосылки будущей русско-японской войны [Лукоянов 1996]. Капитал принадлежал Русско-Китайскому банку, а фактически — Министерству финансов, став воплощением политики С.Ю. Витте в Китае. Такая схема оставляла свободу для маневра, позволяя в определенных условиях объявлять банк частным предприятием, хотя бразды правления оставались в руках государства. Это позволило Министерству финансов устанавливать на КВЖД собственные тарифы на перевозку товаров. Тем самым железная дорога становилась инструментом Министерства финансов в русской торговой экспансии в Китай [Романов 1928: 111-113]. Но одновременно с этим появлялась реальная возможность для злоупотреблений. По воспоминаниям генерала В.И. Гурко, «Витте выкроил себе на Дальнем Востоке целое царство, имеющее все атрибуты самостоятельного царства, как-то: собственное войско, именовавшееся Заамурской пограничной стражей и прозванное обывателями по имени жены Витте Матильдиной гвардией, собственный флот, а главное, собственные финансы, так как благодаря прикрепленным ко всем этим предприятиям маски частного дела государственными средствами, на которые они действуют, Витте распорядился без соблюдения сметных и иных правил расходования казенных сумм» [Гурко 2000: 310]. Полная безнаказанность позволила сделать Русско-Китайский банк «банком для своих».

Правление Русско-Китайского банка находилось в Санкт-Петербурге. В конце 1890-х гг. банк имел обширную сеть отделений на российском Дальнем Востоке (во Владивостоке, Благовещенске, Верхнеудинске, Иркутске, Кяхте, Николаеве и Чите), в Китае, Японии, а также в Париже. В апреле 1897 г. было учреждено московское отделение. При этом «общий объем операций, о которых есть информация, что они связаны с Дальним Востоком, составляет лишь 17,9%, или 761,4 тыс. руб., причем здесь учитываются все случаи векселедательства и предьявительства в базе данных» [Саломатина, Тужилина 2016: 48, 52-53]. Следует напомнить, что Русско-Китайский банк создавался как средство экономической и политической экспансии на Дальний Восток, прежде всего в Китай [Лукоянов 2008]. Однако московское отделение явно было занято решением проблем в первую очередь московского, петербургского и иностранного бизнеса. Имелось 20 крупнейших клиентов по учету векселей (предьявителей) московского отделения Русско-Китайского банка, чья общая сумма только за 1899 г. составила 4 264,2 тыс. руб. [Саломатина, Тужилина 2016: 52]. И вот здесь на авансцену выходят Кяхта и кяхтинское купечество.

Мы уже писали об особой роли Кяхты и кяхтинского предпринимательства в развитии российско-китайских экономических отношений, особенно в чайной торговле [Кальмина, Курас 2017: 161]. Но на рубеже XIX–XX вв. Кяхта получила новый импульс, когда кяхтинское отделение Русско-Китайского банка проводило торговые операции, опираясь на такие торговые дома кяхтинских купцов, как «Ф. Деньгин и Н. Мамонтов», «Коковин и Басов» и «Братья Иван и Николай Поляковы», а также Товарищество чайной торговли «Петр Боткин и сыновья» для провоза из Западной Европы в Китай через Кяхту серебра и золота в слитках¹. При этом в структуре дальневосточных кредитных сделок наибольшую долю (338,4 тыс. руб. – 44%) занимали вексельные портфели, предьявленные отделениями банка и бравшие на себя финансовую ответственность за векселя, учтенные на местах. По оценке С.А. Саломатиной и Е.Д. Тужилиной, среди клиентов по учету векселей, наряду с такими монстрами, как «Кноп Л., торговый дом», Русский Торгово-промышленный банк, Московское отделение, Петербургско-Азовский банк, Московское отделение, 7-ю строку занимал Русско-Китайский банк, отделение в Кяхте. Исследователи отмечают: «наибольшая доля приходится на агентство в Кяхте (199 тыс. руб.), затем с большим отрывом идут Иркутск (64,8 тыс. руб.) и Владивосток (57,3 тыс. руб.), портфели векселей из Николаевска-на-Амуре и Благовещенска пока минимальны (соответственно 8,0 тыс. и 5,1 тыс. руб.)» [Саломатина, Тужилина 2016: 57].

Среди крупнейших акционеров-учредителей Российской империи к предьявлению векселей в московском отделении был допущен Ф.Ф. Прорубников (векселей на 115,5 тыс. руб.) – купец 1-й гильдии из Кяхты, занимавшийся оптовой торговлей чаем и ставший крупнейшим покупателем кяхтинского чая в России (9-я позиция). Через вексельный портфель происходило кредитование московской конторы Прорубникова². Среди клиентов по учету векселей (предьявители) московского отделения Русско-Китайского банка за 1899 г. фигурирует еще один кяхтинец – купец 1-й гильдии А.М. Лушников (чайная торговля, векселей на 60 тыс. руб.), а также «Чурин И.Я. и К^о» (группа торговых и промышленных предприятий в Восточной Сибири) [Саломатина, Тужилина 2016: 52]. Тем самым три бизнеса были допущены к прямому предьявлению векселей к учету в Москве, и они тоже получали наличность в обмен

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 225. Оп. 1. Д. 442, 156, 718, 102.

² *Историческая энциклопедия Сибири*. В 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири. 2010. Т. 2. С. 716.

на векселя [Саломатина, Тужилина 2016: 60]. При этом исследователи подчеркивают, что «корнями в Кяхту» уходит почти половина кредитных сделок банка в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Такая география сделок скорее отражает «традиционные» каналы торговли с Китаем, а не освоение новых направлений: Транссиб еще не дошел до Дальнего Востока, КВЖД еще не построена, и основным торговым путем является именно Кяхта» [Саломатина, Тужилина 2016: 57]. Таким образом, получается, что Русско-Китайский банк и его московское отделение были заняты кредитованием крупных фирм и компаний, в разной степени близких к правлению банка. Дальний Восток занял второстепенное место в деятельности московского отделения. Налицо инсайдерское кредитование, которое вышло на первый план, т.к. это было самым простым способом сформировать клиентскую сеть бизнесов, платежеспособность которых известна банку, и с наименьшим риском распределить ограниченные денежные ресурсы. Попытка других банков зайти на Дальний Восток сталкивалась с противодействием со стороны С.Ю. Витте. Так, инициатива А. Верта в начале 1901 г. учредить Порт-Артурский банк, который бы выдавал ссуды под залог городской недвижимости (операция, которая, кстати, не входила в устав Русско-Китайского банка), была признана в Министерстве финансов преждевременной [Лукоянов 2008: 140-141].

Хотя общее благополучное состояние внешней торговли России на рубеже XIX–XX вв. давало повод для оптимизма, в целом русско-китайская торговля переживала не лучшие времена. Ввоз русской мануфактуры к концу XIX в. фактически прекратился. В товарообороте Китая Россия занимала лишь 7-е место, уступая Англии в 4 раза. Русско-Китайский банк, получивший в свое время 16 наиболее крупных концессий на разработку полезных ископаемых в Южной Маньчжурии, не сделал ничего для их реализации. Так же бесцеремонно вела себя КВЖД. Дорога вообще отказывалась нести ответственность за сохранность грузов и доставку их в срок. Вместо пудо-верстного тарифа на магистрали был введен повагонный, требовавший для отправки любого груза заказывать целый вагон [Лукоянов 2008: 121, 141]. После Русско-японской войны ситуация только ухудшилась. Поражение России радикально изменило содержание российской политики на Дальнем Востоке, что существенно сказалось на положении Русско-Китайского банка. В марте 1906 г. Министерство финансов отказалось от использования банка в качестве инструмента для реализации своих политических целей на Дальнем Востоке.

Таким образом, внимательное изучение всех точек зрения на систему международных отношений в Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв. позволило прийти к мысли о небезосновательности всех мнений современной историографии. История этих отношений и их роль в деле укрепления современных межгосударственных связей России и Китая в рамках реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути весьма поучительна. Она красноречиво доказывает, что эти отношения должны быть максимально прозрачными.

Исследование выполнено Л.В. Курасом при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии» № 14-18-00552; Л.В. Кальминой в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9).

Список литературы

- Беляев С.Г. 2006. Русское предпринимательство в Китае в конце XIX – начале XX века. – *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 8. Вып. 1. С. 170-183.
- Власть и реформы: от самодержавной к Советской России*. 1996. СПб: Дмитрий Буланин. 800 с.
- Гурко В.И. 2000. *Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника*. М.: Новое литературное обозрение. 746 с.
- Кальмина Л. В., Курас Л. В. 2017. Система Витте: Русско-Китайский банк и кяхтинское купечество (конец XIX – начало XX вв.). – *Власть*. № 8. С. 160-165.
- Лукоянов И.В. 1996. С.Ю. Витте и планы сооружения Сибирской железной дороги: к предыстории Русско-японской войны. – *Новый часовой*. № 4. С. 45-52.
- Лукоянов И.В. 2000. Русско-Китайский банк (1895–1904 гг.). – *Нестор: Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы*. № 2. С. 177-202.
- Лукоянов И.В. 2008. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб: Нестор–История. 668 с.
- Романов Б.А. 1928. *Россия в Маньчжурии (1892–1906)*. Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма (под ред. Ю.В. Визе, Р.Л. Самойловича). Л.: Государственная академическая типография. 605 с.
- Саломатина С.А., Тужилина Е.Д. 2016. Банк «для своих»: Московское отделение Русско-Китайского банка в 1897–1899 гг. – *Экономическое развитие России в XIX – начале XX века*. № 4(35). С. 47-61.
- Субботин А.П. 1892. *Чай и чайная торговля в России и других государствах*. СПб: Типография Северного телеграфного агентства. 684 с.
- Яго К. 2012. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии. – *Экономическая история*. Ежегодник 2011/2112. М.: РОССПЭН. С. 293-314.
- Crisp O. 1974. The Russo-Chinese Bank: An Episode in Franco-Russian Relation. – *The Slavonic and East European Review*. Vol. 52. April. No. 127. P. 197-212.

KURAS Leonid Vladimirovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor; Senior Research Associate, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch, Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; kuraslv@yandex.ru)

KAL'MINA Liliya Vladimirovna, Dr.Sci. (Hist.), Associate Professor; Leading Scientific Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch, Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; kalminal@gmail.com)

RUSSIAN-CHINESE BANK IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN EASTERN ASIA AND THE KYAKHTA'S MERCHANTRY (THE END OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

Abstract. The article examines the peculiarities of the system of international relations in Eastern Asia at the turn of 19th – 20th centuries, which is connected with the Russian economic expansion to China. The article shows the activities of the Russian-Chinese bank as the Russian financial mediator in China and the role of Kyakhta's merchantry as the trade mediator between two countries. Within this, the article highlights the evaluation of the activities of the Russian-Chinese bank in the contemporary historiography.

Keywords: international relationships in the Eastern Asia, Vitte's system, Russian-Chinese bank, Kyakhta's merchantry